

• •

•
•

[Stable URL: <http://elar.uniya.ac.ru/jspui/handle/123456789/2998>]

[:]

. . 2010:

//

:

:

:

(. .). . II.

, 83-87.

100-

/ . .

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

рассматриваться как направленные в первую очередь на очищение и повышение плодородия скота, священнодействия арвальских братьев таким же образом были связаны с полями и плодами земледелия, а в культе салиев на первый план вышли сакрально-воинские функции, в частности, люстрация войска и его оружия.

Все перечисленные процессы, по нашему мнению, проходили в эпоху становления единой римской городской общины и формирования раннегосударственных институтов, в том числе и в сакральной сфере (VIII-VI вв. до н.э.). В античной традиции это нашло свое выражение в рассказах о деятельности первых царей – Ромула (учреждение отряда целеров, возникновение сообщества арвальских братьев) и особенно Нумы Помпилия («сакральная реформа» – появление общегородских организаций понтификов, авгуров, фламинов, салиев, фециалов).

А.Е. Барышников
(г. Калуга, Россия)

Латинские эпитафии Эборака: человек и восприятие смерти

Смерть – это естественное и неизбежное окончание жизни, важнейшее событие, с которым сталкивается каждый человек. Она не знает исторических границ и пределов различных цивилизаций, она, в силу своей биологической предопределенности, есть всегда и везде. Однако каждая культура и эпоха по-своему осмысливает смерть и возникающие в связи с ней вопросы.

Количество исследований, посвященных смерти в Древнем Риме и в провинциях, за последние десятилетия значительно увеличилось. Смерть изучают с самых разных сторон: исследуются некрополи римских поселений и систематизируются полученные данные, на этой основе создаются типологии надгробных монументов и самих захоронений¹. Особое внимание уделяется погребальным ритуалам, обрядам, связанным с оплакиванием и поминовением умерших²; важное место занимают историко-демографические работы о смерти и смертности в различных частях *Rex Romana*³. Таким образом, изучение смерти (т.н. «mortuary studies» в англоязычной историографии), несмотря на большую пестроту методологических подходов, стало важным самостоятельным направлением в антиковедении⁴.

Мы обратимся к одному из аспектов темы, который еще недостаточно освещен в специальных работах по римской истории. Речь пойдет о восприятии человеком смерти – одной из важных характеристик любой культуры. Как человек понимал и ощущал неизбежность своей смерти? Как относился к смерти близких? Это вопросы, ответы на которые позволят нам составить более полное представление о содержании погребальных обрядов, о культе умерших, о взглядах на загробный мир⁵. Но не только: ведь жизнь и смерть тесно связаны, поэтому в отношении к смерти проявляется понимание жизни: мировоззрение, мораль и система ценностей.

Восприятие смерти, отношение к ней не обойдено вниманием в античной литературе. К примеру, эта тема специально рассматривается в первой книге «Тускуланских бесед» Цицерона и в одном из «Нравственных писем к Луцилию» Сенеки (*Sen. Ep. LXX pass.*). Но эпитафии как источник информации по интересующей нас теме имеют существенное отличие. Они намного менее индивидуализированы, чаще всего отражают не взлеты мысли уникальной личности, а стандартные мыслительные формулы и стереотипные черты культуры, массовое сознание.

¹ *Carroll M. Spirits of the dead: Roman funerary commemoration in Western Europe. Oxford, 2006.* По-прежнему не утратила своего значения монография Жослин Тойнби – *Toynbee J.M.C. Death and Burial in the Roman World. London, 1971; 1996*².

² *E.g. Edwards C. Death in Ancient Rome. Yale, 2007; Erasmo M. Reading Death in Ancient Rome. Columbus, 2008.*

³ *Saller R.P. Patriarchy, property and death in the Roman family. Cambridge, 1997.*

⁴ См.: *Morris I. Death-ritual and Social Structure in Classical Antiquity. Cambridge, 1992. P. 205-257.*

⁵ См.: *Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. 1989. С. 114-115; Vovelle M. Encore la mort: un peu plus qu'une mode? // Annales. E.S.C. 1982. Vol. 37. № 2. P. 276-287.* Если использовать терминологию исторической демографии, восприятие смерти – это своеобразная «глубинная структура» сознания и культуры. См.: *Shaw B.D. Seasons of Death: aspects of mortality in imperial Rome // JRS. 1996. Vol. 86. P. 100.*

Наше исследование носит локальный характер. Основными источниками стали эпитафии из Эборака – одного из главных городов римской Британии. Римляне закрепились здесь после похода 71 г. н.э.⁶ Бывший центр кельтского племени бригантов к концу II в. превратился в главный город Британии, в военный и гражданский центр провинции, а в начале III в. – в самую северную римскую колонию во всей ойкумене⁷. Интересующие нас некрополи Эборака (в современных районах Йорка Mount и Railway Station) обладают несколькими особенностями не только по сравнению с остальной провинцией, но и с захоронениями в других областях Империи.

Во-первых, жители города хоронили и кремировали своих покойных не только за стенами, вдоль дорог, ведущих из города, но и в пределах городской черты. Тем самым нарушался древний запрет, записанный ещё в законах XII таблиц, который позже подтвердил Антонин Пий⁸.

Во-вторых, захоронения Эборака отличаются бессистемностью и неупорядоченностью, обычно несвойственной римским некрополям⁹. Такие особенности можно объяснить как самими темпами развития города (вместе с укреплением статуса происходило расширение поселения, изменение городских границ, увеличение населения), так и влиянием варварского окружения – бригантов. Рим и наиболее романизованные территории Галлии и Испании были далеко, и не все римские обычаи, соблюдавшиеся на континенте и в южной Британии, оказывались обязательными к исполнению на северных границах *Pax Romana*.

Что же характерно для восприятия смерти жителями Эборака? Что объединяет их в этом плане с населением других регионов? Повлияла ли римская культура на систему жизненных ценностей людей, живших так далеко от Италии и Средиземноморья, в краю со столь отличными климатическими особенностями, своеобразным этносом и традициями¹⁰?

От жителей и гарнизона Эборака II–III вв. до нас дошло несколько десятков эпитафий¹¹, достаточно разнообразных по содержанию. Самые ранние из них, посвященные неким Гаю из Новарии и Луцию Дуккию Руфину, соответственно солдату и штандартносницу IX Испанского легиона, можно датировать периодом между 71 и 120 гг. (RIB. 673; 680), самые поздние, высеченные на каменных гробах, – концом III в. (672; 677). Среди тех эпитафий, в которых можно достоверно восстановить имя и пол умершего, преобладают женские – 17, в то время как мужских всего лишь 9 (из них 7 – солдатские). Несмотря на преобладание сохранившихся женских эпитафий, в самих захоронениях преобладают мужские останки (соотношение мужчин и женщин примерно 5 к 1), что вполне логично, ведь Эборак был базой VI легиона¹². По-видимому, большинство мужских погребальных плит с эпитафиями были утрачены в Средние века и позже.

При анализе содержания эпитафий следует иметь в виду, что латинские надгробные надписи обладают несколькими характерными чертами, которые нашли отражение и в эпитафиях Эборака. Во-первых, всем эпитафиям было свойственно своеобразное сочетание индивидуального и коллективного или, если вспомнить слова Г.С. Кнабе, «обязательная изоморфность»¹³. Надгробная надпись не была выражением исключительно индивидуального, она всегда коллективна и публична. Это свойство эпитафии проявляется в нескольких аспектах.

Текст надписи должен был регулярно читаться, причем не только родственниками, друзьями и наследниками, – каждый прохожий мог прочесть, чьи кости или прах покоятся под монументом, – именно для этого погребения чаще всего располагали вдоль дорог, рядом с городскими стенами. Таким образом, эпитафия внешне казалась актом коммуникации мира живых с миром мертвых, на деле являясь разговором живых с живыми о смерти и жизни. Могиль-

⁶ Здесь и далее имеется в виду датировка нашей эры.

⁷ *Ottaway P. Roman York. London, 2004. P.11.* Волею судеб именно в Эбораке в разное время скончались два правителя Римской империи: Септимий Север в 211 г. н.э. (*Dio. apud Xiph. LXXVI. 15. 2; 17. 4; SHA. Sev. XIX. 1*) и Констанций Хлор в 306 г. н.э. (*Eutrop. Brev. X. 1. 3; 2. 2*).

⁸ *hominem mortuum in urbe ne spelito neve urito.*

⁹ *Jones R. Burial customs of Rome and the Provinces // The Roman World II. / Ed. J. Wachter. London, 1987. P. 823-825.* См. также подробный отчет об археологических исследованиях некрополей Йорка: *Jones R. The cemeteries of Roman York // Archaeological Papers from York presented to M.W. Birley. York, 1984. P. 34-42.*

¹⁰ См.: *Haverfield F. The Romanization of Roman Britain. Oxford, 1915. P. 9-29.*

¹¹ Увы, это лишь малая толика от существовавших. Многие эпитафии были безвозвратно утрачены во время своеобразной «антикварной охоты» XVII–XVIII вв. и при строительстве в Йорке железной дороги в XIX в. См.: *Ottaway P. Op. cit. P. 14-17.*

¹² *Jones R. Burial customs... P. 826.*

¹³ *Кнабе Г.С. Древо познания и древо жизни. М., 2006. С. 505-506.*

ная плита (или с III в. – гроб) заказывалась не самим умершим еще при жизни, но уже его родственниками (RIB. 670), друзьями (RIB. 671), наследниками (RIB. 675) или вольноотпущенниками (RIB. 680, 683). Среди эпитафий Эборака мы находим лишь два исключения: Марк Верекундий Диоген, успешный гражданский чиновник, занимавший посты севира и квинквенала, еще при жизни позаботился об изготовлении собственного гроба (RIB. 678); такую же предусмотрительность проявил Луций Аврелий Меркуриал, заказавший могильную плиту для себя и своей жены, Юлии Вельвы (RIB. 688). Следовательно, в эпитафиях прежде всего проявлялось восприятие смерти и жизни не теми, кто умирал, но теми, кто оставался жить.

Во-вторых, текст эпитафий обладал своеобразной риторичностью, исходной однотипностью. В основе каждой из них лежал определенный шаблон: «Dis Manibus/Memoriae – имя умершего – сколько прожил – имя установившего». В зависимости от того, кем был покойный, добавлялись сроки военной службы (RIB. 671), место происхождения (RIB. 673). В случае с женскими и детскими эпитафиями появлялись эпитеты, часто в превосходной степени (e.g. *dulcissimi* – RIB. 672; *pientissime* – RIB. 688).

Подобная «шаблонность», стереотипность эпитафий свидетельствует о том, что отношение к смерти и система жизненных ценностей являлись по сути своей общепринятыми, коллективными и, возможно, не до конца осознанными.

В-третьих, стоит отметить еще один важный момент – общий для всех эпитафий, независимо от времени создания и статуса покойного, будь то надпись Луция Бебия, прослужившего 23 года в IX легионе (RIB. 671), или Флавия Беллатория, декуриона Colonia Eboracensium (RIB. 674), или Юлии Фортунаты, родившейся на Сардинии (RIB. 687). По своему содержанию любая из рассматриваемых эпитафий является последним взглядом на жизнь ушедшего человека, своеобразным «итогом», сухим остатком всех деяний и переживаний. В этом «отчете», составленном перед смертью самим покойным или после смерти его родственниками, находили выражение жизненные ценности и приоритеты: к данным об имени и возрасте добавляются сведения о сроке военной службе, звании (в случае с Эбораком – это два штандартносеца и четыре центуриона), гражданская должность (сеvir, декурион, квинквинал), в случае женщин место данных о службе занимали упоминания добродетелей, чаще всего в превосходных степенях. Детские эпитафии практически неотличимы от женских, единственная встречающаяся особенность – указание на «безвинность» умершего ребенка (RIB. 690)¹⁴. Смерть в эпитафиях – это повод для оценки жизни; смерть здесь воспринимается как неизбежный конец жизни, при наступлении которого нужно кратко изложить окружающим самое важное об умершем.

Эпитафии Эборака по существу практически не отличаются от эпитафий из западных провинций Римского мира (Испании, Галлии) или из самой Италии, что свидетельствует о значительном влиянии римской культуры на севере провинции. Различия в информативности объясняются экономическим фактором, – не у всех хватало средств, чтобы заказать пышную и подробную надпись наподобие знаменитой римской *Laudatio Turiae*. Жители Эборака, судя по дошедшим до нас эпитафиям, были людьми зажиточными, но не настолько, чтобы позволить себе излишние траты на погребения и памятники.

Впрочем, среди эпитафий Эборака выделяется одна надпись, в которой мы находим с одной стороны, несколько иное восприятие смерти, а с другой – дополнительные сведения о степени романизации города и его округи. Это эпитафия II в., в которой некто Квинт Кореллий Фортис увековечил память своей дочери, Кореллии Оптаты:

«[D] M CORELLIA OPTATA AN XIII SECRETI MANES QVI REGNA ACHERSVIA DITIS INCOLITIS QVOS PARVA PETVNT POST LVMINA VIT(A)E EXIGVVS CINIS ET SIMVLACRVM CORPOIS VMBRA INSONITIS GNAT(A)E GENITOR SPE CAPTVS INIQVA

¹⁴ В других детских эпитафиях Британии, в частности, надписях из поселений Иска Силурум и Буррий, просто указывается имя умершего ребенка, возраст и имя поставившего памятник (RIB. 377, 389; 396).

SVPREMVM HVNC NATE MISERANDVS DEFLEO FINEM Q CORE¹⁵ FORTIS PAT F C»¹⁶
(RIB. 684)¹⁷.

При более близком рассмотрении в тексте надписи обнаруживаются формулировки, восходящие к текстам поэтов «золотого века» Августа – прежде всего Вергилия и Овидия.

Это, во-первых, выражение «*lumina vitae*» – «светоч жизни», к которому тянутся души умерших и нерожденных. У Лукреция Венера «из рода в род животных приводит к светочу жизни» (*De rer. I. 227*); спустившийся в царство мертвых Эней видит души Торквата и Камилла, которые пока спокойны, но вступят в борьбу, стоит лишь им достичь «светоча жизни» (*Verg. Aen. VI. 828*).

Второе поэтическое выражение – «*corporeis umbra*», которое можно перевести как «телесная тень». Оно дважды встречается у Овидия: в обращении к Фабию Максиму «*corporeis umbra*» – синоним привидения (*Epist. ex Pont. III. 3. 3*), а в одной из любовных элегий телесную тень Тибулла на Елисейских полях венчают лаврами Кальв и Катулл (*Amor. III. 3. 95*).

Еще одно выражение из Овидия, практически дословно цитируемое в надписи – «*manes... parva petunt*» – «маны немногого ищут». Эту фразу Овидий употребляет, рассказывая о празднике Фералий и необходимых церемониях по отношению к духам умерших (*Faust. II. 535*).

Кроме указанных словосочетаний необходимо особое внимание обратить на слово «*gnat(a)e*» – «дитя». Это архаическая форма *natus*, которая очень часто встречается в комедиях Плавта (e.g. – *Asin. 829; Aul. 694; Capt. 1006; Merc. 367*), и намного реже – в более поздних произведениях. Для нас важен контекст употребления этой архаической формы Вергилием, – именно так начинает свое обращение к Энею дух Анхиза, его умершего отца (*Aen., VI. 868*).

Итак, в эпитафии Кореллии ясно ощущается влияние римских поэтов: заказчик надписи, Квинт Кореллий (или безвестный изготовитель надгробного монумента) был хорошо знаком с произведениями Вергилия и Овидия. Это может рассматриваться как свидетельство романизации Эборака во II в.

Однако данная надпись ценна не только как свидетельство о влиянии римской поэзии. В ней можно увидеть другое, нехарактерное для основной массы эпитафий провинции, восприятие смерти. Здесь нет места сухой стандартной формуле, с перечислением достоинств безвременно ушедшего ребенка. Смерть в данной эпитафии – это мрак, трагедия, без возврата забирающая у человека надежду, и по отдельным деталям мы можем представить, насколько серьезным горем была для Квинта Кореллия смерть дочери. Когномен Кореллии – «Оптата» («Желанная») говорит о том, что она, скорее всего, была единственным и долгожданным ребенком. Квинт Кореллий попытался выразить свои чувства с помощью эмоциональной, необычной эпитафии, но в средствах он был явно ограничен – плита с надписью ничем дополнительно не украшена, в самом тексте для экономии места в некоторых словах пропущены буквы (*corporeis, vit(a)e*).

Таким образом, на основании анализа содержания эпитафий из Эборака мы можем говорить о двух вариантах восприятия смерти в эпитафиях. В первом и главном, наиболее распространенном, смерть воспринимается как вполне естественное явление, неизбежный конец жизни, лучший момент для публичного подведения итогов и предоставления окружающим краткого «отчета» о жизни умершего. Печаль и скорбь, личные переживания и чувства остаются «за кадром». Зато в таком отношении к смерти раскрывается система ценностей и приоритеты – достижения на военной и гражданской службе в случае мужчин, добродетели – в случае женщин.

Второй вариант восприятия смерти можно увидеть в погребальной надписи Кореллии Оптаты, выделяющейся по сравнению с остальными эпитафиями, как взрослыми, так и детски-

¹⁵ О роде Кореллиев в Цизальпийской Галлии – см. CIL. V. 6366. В письмах Плиния Младшего фигурирует Кореллий Руф, идейный противник Домициана – I. 12.

¹⁶ «[Божествам] Манама, Кореллия Оптата, 13 лет.

Одинокие маны, обитающие в пределах Ахерузии, Дитова царства, забирают от слабого светоча жизни жалкий прах и телесную тень безвинного ребенка, надежду родителя, несправедливо навеки утраченную. Я, Квинт Кореллий Фортис, отец, позаботился и оставил».

¹⁷ Эпитафию достаточно уверенно можно датировать концом I-II вв. по нескольким критериям: наличие полного римского имени (*praenomen, nomen, cognomen*); наличие в погребении (наряду с остатками могоильной плиты) погребальной урны с кремированным прахом Кореллии Оптаты.

ми. Здесь текст – не шаблон, но способ выразить свои ощущения, страх и боль. Социальному статусу и личным качествам не находится места, а смерть воспринимается как личная трагедия, как событие не столько естественное и неизбежное, сколь трагическое и печальное.

Эпитафии Эборака с их типично римским взглядом на смерть и жизнь позволяют нам сделать вывод о том, что римская культура пустила здесь крепкие корни. Жившие в городе люди, независимо от того, были ли они воинами, торговцами или чиновниками, родились ли они среди бригантов, на Сардинии или в Риме, являлись представителями одной общей культуры. Здесь знали Вергилия и Овидия, мыслили в соответствии с римской системой ценностей, последние слова об ушедших записывали на латыни, в соответствии с общепринятыми, понятными каждому жителю Империи формулами. За несколько веков эта культура не претерпела серьезных изменений: так, даже когда к концу III в. трупосожжение было заменено трупоположением, эпитафии, переместившись с надгробных плит на поверхность саркофагов и каменных гробов, по тексту не изменились. Разница во времени жизни между Марком Верекундием Диогеном, севиром и квинквином Colonia Eboracensium, и Луцием Дуккием Руфином, штандартаносцем IX легиона, составляет два века. Разницы между их эпитафиями практически нет.

Конечно, варварское окружение и удаленность от наиболее романизированных провинций повлияли на жизнь Эборака, – здесь не всегда соблюдали закон о запрете на погребения в черте города; сами некрополи были неупорядочены. Но, несмотря на некоторое варварское влияние, Эборак был настоящим римским городом, для жителей которого римский образ мысли, римское восприятие жизни и смерти, римская система ценностей были естественны и понятны.